

Вера Петровна Желиховская

Над пучиной

Вера Желиховская
Над пучиной

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Над пучиной / В. П. Желиховская — «Public Domain», 1896

«...Стояло начало мая мѣсяца; теплаго, яркаго, цвѣтушаго мая. Всегда красивая Одесса разрядилась вся въ зелень и цвѣты, и глядѣлась въ голубое море словно шестнадцатилѣтняя красавица въ зеркало. Въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ суeta, толкотня и шумъ: только что прибылъ утренній поѣздъ. Разъѣздъ необычайно оживленъ. Двѣ дамы спокойно ждутъ въ залѣ перваго класса, никуда не спѣша, ожидая безъ всякихъ признаковъ нетерпѣнія, чтобы люди – лакей и горничная, получили багажъ и все устроили. Одна изъ дамъ, пожилая, некрасивая, одѣтая съ такой аккуратностью, что никому и въ голову не могло придти, что она четвертая сутки не выходила изъ вагона, сидитъ молча, вытянувшись въ струнку, на диванѣ...»

Содержание

I	5
II	9
III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. П. Желиховская

Надъ пучиной

I

Стояло начало мая мѣсяца; теплаго, яркаго, цвѣтущаго мая.

Всегда красивая Одесса разрядилась вся въ зелень и цвѣты, и глядѣлась въ голубое море словно шестнадцатилѣтняя красавица въ зеркало.

Въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ суета, толкотня и шумъ: только что прибылъ утренній поѣздъ. Разъѣздъ необычайно оживленъ.

Двѣ дамы спокойно ждутъ въ залѣ перваго класса, никуда не спѣша, ожидая безъ всякихъ признаковъ нетерпѣнія, чтобы люди – лакей и горничная, получили багажъ и все устроили. Одна изъ дамъ, пожилая, некрасивая, одѣтая съ такой аккуратностью, что никому и въ голову не могло придти, что она четвертая сутки не выходила изъ вагона, сидитъ молча, вытянувшись въ струнку, на диванѣ. Держась одной рукой, затянутой въ шведскую перчатку, за свой дорожный сессеръ, надѣтый черезъ плечо, она другую положила на зонтикъ и шотландскій пледъ, аккуратно затянутые ремнями, и смотритъ въ полъ, съ выраженіемъ, явно свидѣтельствующимъ о ея готовности просидѣть такимъ образомъ хоть до вечера.

Другая, молоденькая дѣвушка, стройная, хорошенькая блѣдной, изнѣженной красотою растенія, взлелѣяннаго въ сѣверныхъ теплицахъ, сначала бросилась было на диванъ, потомъ встала и оперлась на окно, глядя въ ясное небо и зѣвая немилосердно. Ея изящный дорожный костюмъ былъ далеко не въ такомъ порядкѣ, какъ у ея спутницы; темные, большіе, способные блистать и оживляться, глаза, смотрѣли апатично и вяло. Она казалась и сонной, и усталой, и сильно скучающей...

Но вотъ она остановила вниманіе своей чопорной спутницы, зѣвнувъ особенно аппетитно, и тотчасъ лицо ея оживилось лукавой усмѣшкой. Подмѣтивъ на себѣ ея удивленно-укоризненный взоръ, она откинула движеніемъ руки и головы русый локонъ, выбившійся изъ-подъ шляпки и сдержавъ усмѣшку, оживившую всѣ тонкія черты ея необыкновенной прелестью, сказала по англійски:

– Вы боитесь, чтобы я не вывихнула себѣ челюсти, миссъ Джервисъ?

– Я удивляюсь, что Марья и Иванъ дѣлаютъ тамъ такъ долго? – вмѣсто отвѣта замѣтила англичанка. – Неужели въ отелѣ не получена телеграмма, и за нами не прислали коляски?

Какъ-бы въ отвѣтъ ей въ комнату вошла краснощекая горничная и благообразный лакей.

– Пожалуйста! – сказалъ онъ. – Вещи сданы и отправлены въ Лондонскую гостиницу. Коляска подана.

– Ну и прекрасно!.. Пойдемте, миссъ Джервисъ. Маша! Бери вещи и мою сумку, пожалуйста. Вотъ она тамъ, на спинкѣ стула... Все плечо мнѣ оттянула!.. Дай только зонтикъ.

– Развѣ вы не надѣнете другой перчатки, miss Vera?

– А вы считаете это необходимымъ, miss Sarah?

– Oh! Miss. Вы сами это знаете.

– Охъ! Знаю-ли?.. А впрочемъ, чтобъ вамъ сдѣлать удовольствіе... Ну! Идемте.

Открытая коляска помчала ихъ по Пушкинской улицѣ, къ набережной.

– Хорошенькій городъ!.. Очень хорошенькій городъ! – одобрительно повторила Вѣра Аркадьевна Ладомирская, смотря по сторонамъ.

– Одесса прелести какой городъ! – подтвердила ея балованная субретка.

– Да!.. Вѣдь я и забыла, что ты жила здѣсь прежде, Маша. Чтожъ въ ней особенно хорошаго?

– Да все-съ! Особливо теперь, какъ всѣ дачи и всѣ Фонтаны въ цвѣту.

– Какъ фонтаны въ цвѣту? – засмѣялась барышня. – Развѣ вмѣсто воды фонтаны здѣсь бьютъ цвѣтами?

– Не цвѣтами-съ и даже фонтановъ нѣту совсѣмъ, а такъ загородныя мѣста, гдѣ, значитъ, самыя лучшія дачи, – Большой, Средній и Малый фонтанъ прозываются.

– А! Вотъ что. И хороши онѣ, эти дачи?

Горничная принялась расписывать восторженно.

– Можно будетъ сѣздить посмотрѣть. Сестру, вѣдь, ждать навѣрное дня три придется.

Бывшая гувернантка, нынѣ компаньонка княжны Ладомирской, смотрѣла на нее вопросительно. Она рассказала ей въ чемъ дѣло.

– Oh! very well! – воскликнула въ отвѣтъ англичанка, въ теченіе своего многолѣтняго пребыванія въ Россіи не выучившаяся по-русски.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ музеуму, биржѣ и цвѣтущему бульвару вдоль набережной, тѣмъ красивѣе были зданія, отѣенныя аллеями только что зазеленѣвшихъ акацій.

Видъ на бульваръ и нарядный портъ съ десятками судовъ и пароходовъ, съ сотнями бѣлокрылыхъ яхтъ и разноцвѣтныхъ яликовъ, скользящихъ по сверкавшему отраженьемъ голубаго неба, безбрежному морю, окончательно привелъ Вѣру въ восторгъ. Отдохнувъ и пообѣдавъ пораньше, она рѣшила, что поѣдетъ гулять. Коляска снова была подана, онѣ усѣлись съ миссъ Джервисъ и приказали везти себя на фонтаны.

– На который-съ? – освѣдомился возница, одѣтый на иностранный ладъ.

– На всѣ! Начиная съ ближняго и до самаго дальняго! – отвѣчала барышня.

Коляска тронулась по набережной, вдоль бульвара, пестрѣвшаго гуляющими, сквозь свою молодую зелень, на яркомъ фонѣ моря и неба. День былъ праздничный, въ повильонѣ гремѣла музыка; на платформѣ ресторана Замбрини, между рядами мраморныхъ столиковъ, яблоку негдѣ было упасть: тамъ была давка, какъ въ муравейникѣ.

– Кажется гулянье? – замѣтила англичанка. Не лучше-ли было-бы и намъ просто погулять по бульвару?

– Боже сохрани!.. Не видали мы толпы?.. Неужели вамъ не надоѣли эти казенныя гулянья въ Петербургѣ и за границей?.. Нѣтъ, спасибо!.. Ужъ лучше посмотримте на городъ... Жаль коляска двумѣстная, а то я Машу взяла-бы, какъ чичероне...

Англичанка только повела зеленымъ глазомъ на свою питомицу. Идея – брать съ собою на прогулки горничную!.. Но она не сказала ни слова, зная изъ опыта послѣдняго времени, что стоитъ только miss Ladamirsky услышать отъ нея сокрушительный возгласъ: «shoking», – чтобъ немедленно вспылать желаніемъ именно это сдѣлать.

Привычный отличать сѣдоковъ кучеръ везъ хорошо, и лихо прокатилъ ихъ мимо вереницы дачъ Малаго фонтана къ спуску въ садъ и морскому берегу, въ эту пору года ярко-зеленому, цвѣтущему бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ и пышно распускавшейся сирени.

Онѣ прошли въдоль берега и еще не совсѣмъ отстроенныхъ купалень. Береговья, красно-бурыя осыпи и живописныя камни красиво омывались набѣгающими на нихъ волнами. Онѣ шумѣли и пѣнились, налетая на препятствія, разбиваясь каскадами, блестящихъ брызгъ. Цвѣтушіе холмы бѣжали въ даль, сверкавшую бирюзой, золотомъ и изумрудами.

– Какъ хорошо! Какая прелесть! – восхищалась Вѣра.

– Oh! Very pretty, mndeed! – подтверждала ея спутница, осторожно подобравъ юбки, тщательно закутавшись вуалемъ и распустивъ зонтикъ на красной подкладкѣ. – Are we to go much farther?.. Жаль, что дорога не проложена лучше.

– Къ несчастью далеко намъ идти некогда; надо еще побывать въ другихъ мѣстахъ, – успокоила ее княжна. Не то, пожалуй, завтра пріѣдетъ сестра и потащить насъ въ Вѣну, такъ что я не успѣю ничего увидѣть.

– За границей мы увидимъ такъ много прекрасныхъ мѣстъ. И благоустроенныхъ!

– Я больше люблю не благоустроенные.

– Въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ странно!

– Ничего страннаго. Во-первыхъ, ваша благоустроенная, подстриженная Европа надоѣла мнѣ до смерти; а во-вторыхъ, что можетъ быть лучше природы? Не лучший-ли садовникъ и художникъ – Богъ?..

– Oh! Miss Vera!.. – шокировано вскричала гувернантка. – Какъ можете вы такъ легко выражаться?

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

Когда онѣ вышли на гору, гдѣ ждалъ ихъ экипажъ, два трамвея конно-желѣзной дороги только что высадили публику и она пестрой, разношерстной гурьбой шла и сбѣгала въ садъ ресторана.

– Вотъ весело такъ ѣхать! – сказала Ладомирская. Я бы съ удовольствіемъ прокатилась.

– О!.. Въ трамвеѣ? – снова изумилась миссъ, старательно оберегаясь отъ столкновений съ вульгарнымъ людомъ.

Вдругъ родная рѣчь поразила ея слухъ. Она взглянула оживленнѣе... Большое общество, изъ многочисленной въ Одессѣ колоніи англичанъ, спускалось имъ навстрѣчу.

– Missis Cregs!

– О, dear me! Miss Jervis?.. Какая встрѣча!.. Какъ вы здѣсь?

– Проѣздомъ. А вы давно-ли въ Россіи?.. Я и не знала!

– Мой мужъ здѣсь получилъ мѣсто инженера, на заводѣ. О!.. Вы пріѣдете и повидаетесь съ нами, не правда-ли?

– Не знаю, право!.. Если позволить время... Miss Vera: это моя дорогая подруга – миссисъ Крегсъ. Моя бывшая воспитанница – my dearest pupil, princess Vera Ladomirsky.

Вѣра, съ удовольствіемъ смотрѣвшая на эту сцену, доказывавшую, что не все превратилось въ патентованную гуттаперчу въ сердцѣ ея невозмутимой компаньонки, подошла и подала руку ея знакомой. Тутъ-же было рѣшено, что если завтра еще не пріѣдутъ за ними, миссъ Джервисъ проведетъ цѣлый день у своихъ соотечественниковъ.

– Я не совсѣмъ увѣрена въ правѣ-ли я оставить васъ завтра одну, въ незнакомомъ городѣ? – смущенно замѣтила добросовѣстная наставница, когда онѣ сѣли въ коляску.

Но княжна разсмѣялась, напомнивъ, что ей уже не десять лѣтъ и прося ее не стѣсняться.

На Средній и Большой фонтаны уже ходили поѣзды открытыхъ вагоновъ съ локомотивомъ.

Такого рода прогулка казалась княжнѣ гораздо пріятнѣй, потому что на рельсахъ не было пыли, которой такъ обильны окрестности Одессы.

Оба фонтана – сплошные сады, даже просто рощи акацій, среди которыхъ разсыпаны дачи.

На Среднемъ не останавливались: возница ихъ объявилъ, что здѣсь смотрѣть нечего, кромѣ дачъ, изъ которыхъ лучшія далеко, на берегу; а на Большомъ фонтанѣ можно погулять возлѣ Успенскаго монастыря.

Поѣхали далѣе. Промелькнула, въ зелени, хорошенькая церковь; спускъ къ морю. Оно изрѣдка поблескивало слѣва, мелькая между высокими берегами. По главной, тѣнистой улицѣ, подѣхали къ воротамъ монастыря, когда народъ шель уже ко всенощной. Съ края утеса на берегу маякъ засвѣтился на поблѣднѣвшемъ небѣ; а правѣй ужъ подымалась луна, осыпая море и землю миллионами блесковъ.

– Ахъ! Какъ хорошо! Какъ хорошо!.. Что за горе, что мы не успѣемъ погулять по берегу. Ужъ поздно, а мы съ вами не знаемъ здѣсь дорогъ! – жаловалась Вѣра.

– О да! Какъ можно гулять въ такую пору?.. И роса!.. Мало-ли что можетъ случиться?.. Я бы не совѣтовала вамъ выходить, убѣждала миссъ Джервисъ.

– Ну, въ церковь я должна войти! – протестовала ея неугомонная воспитанница. Какое прелестное мѣсто!.. Посмотрите. Эти надгробные памятники среди зелени, въ тѣни деревьевъ, разбросанные между двухъ храмовъ на морскомъ берегу!.. Завтра я приѣду сюда раньше, чтобъ погулять.

– Одиѣ?!.. – ужаснулась англичанка.

– А что?.. Разбойниковъ здѣсь нѣтъ. Не беспокойтесь, дорогая миссъ Джервисъ! Я съ собой возьму и Машу и даже Ивана, съ его револьверомъ въ карманѣ... Никто меня не тронетъ! А когда вы вернетесь отъ своихъ знакомыхъ, вечеромъ, то навѣрное застанете меня крѣпко спящей. Ничто не дѣйствуетъ на меня лучше и успокоительнѣй воздуха и далекихъ прогулокъ.

II

Такъ она и сдѣлала, эта своевольная барышня, утомленная многоразличными увеселеніями, но не обезличенная столичной жизнью.

Едва миссъ Джервисъ отправилась къ своей пріятельницѣ, она объявила Машѣ, что онѣ тоже ѣдутъ съ ней на цѣлый день, на дачи.

— Бери мой маленькій сакъ. Мы возьмемъ туда тартинокъ и апельсиновъ и отлично пообедаемъ гдѣ нибудь на берегу.

— Ахъ, барышня!.. А миссъ что скажутъ, какъ узнаютъ? — ужаснулась румяная горничная.

— Это мнѣ все равно!.. — засмѣялась въ отвѣтъ княжна.

— Такъ приказать Ивану позвать коляску?

— Да. Только не на весь день, а въ одинъ конецъ, до паровоза. Ты знаешь, Маша, гдѣ сядутся въ вагоны, что ходятъ на Большой фонтанъ?

— А какже!.. Знаю-съ. Я все здѣсь знаю! — вскричала Маша въ восторгѣ отъ предстоящаго удовольствія.

Не менѣе была весела и ея барышня. И весела, и смущена немножко, съ непривычки къ такимъ своевольнымъ, и тѣмъ болѣе одинокимъ прогулкамъ. У нея даже промелькнула мысль: не взять ли ей съ собой Ивана?.. Но она тутъ-же оставила это намѣреніе, сообразивъ, какъ стѣснительно и скучно будетъ имъ обоимъ: пожилому слугѣ слѣдовать за ея безцѣльными блужданіями по садамъ и берегамъ моря, а ей терпѣть его ненужное присутствіе. Довольно и Маши!.. Съ ней она по крайней мѣрѣ не стѣснялась и, къ тому-же, знала, что и ей это большое удовольствіе.

«Ужъ такъ и быть! Справлю разокъ *ekole buissonniere*! — думала она. Надышусь свободнымъ воздухомъ надолго!.. Вѣдь здѣсь меня никто не знаетъ и никто не узнаетъ, какъ-бы я ни провела день. Хотя нѣсколько часовъ, какъ другіе живутъ. По крайней мѣрѣ будетъ хоть чѣмъ помянуть Одессу! А то вѣдь все смертельно надоѣло!.. Вотъ поѣду съ сестрой — баронессой и ея штатомъ опять въ заморскіе края, на воды! — продолжала она раздумывать, пригорюнившись у окна. Буду тамъ прогуливаться, *tiree a quatre epingles*. Слушать тяжелыя любезности графа фрица или звонкія фразы князя Лоло, которыми онѣ будутъ звонить взамѣнъ оставленныхъ дома шпоръ и сабли... Буду выслушивать намеки сестры на плохія дѣла отца и на мое неумѣніе поправить ихъ блестящей партіей!.. Еще, пожалуй, и туда пріѣдетъ за мною блистательный Викторъ Наумовичъ Звенигородовъ (вѣдь надобно-же носить такую тяжелую кличку)! — этотъ камеръ-юнкеръ изъ ножевой линіи, — какъ называлъ его *cousin Mkhel*. Помилуй Богъ!.. Вотъ будетъ несчастье!.. И подумать, куда дѣваются предразсудки, родовая гордость отца и сестры въ отношеніи къ этому выскочкѣ? Такъ и таютъ, и испаряются при помыслахъ о милліонахъ этого купеческаго сына... Ахъ? Боже мой!.. Неужели-жъ выйти мнѣ за этого лакея въ парижскомъ костюмѣ?!..» Она вздохнула.

«Выходитъ безъ любви, безъ уваженія... а впрочемъ, гдѣ ихъ и взять?.. Къ кому?.. За что?.. Вѣдь ни одного человѣка я не встрѣчала до сихъ поръ такого... Въ самомъ дѣлѣ! Все какіе-то!.. Пустельги, комедіанты или еще того хуже: эгоисты, безчестные корыстолюбцы!.. Ахъ, Боже мой! Да... тяжело жить на свѣтѣ людямъ. И все больше сами себѣ творятъ бѣды... А могла ли бы жизнь быть лучше... А ужъ какъ Божій міръ хорошъ!..»

Она заглядѣлась на сине-зеленую пелену моря. На рейдѣ шла дѣятельная работа; дымилась пароходы, мѣрно поблескивали весла, со скрипомъ работали колеса и блоки; на эстакадѣ гремѣлъ и пыхтѣлъ паровозъ съ длинной цѣпью товарныхъ вагоновъ. Всюду копошился и хлопоталъ суетливый людъ. А оно, безбрежное море, свободно и спокойно раскинулось на просторѣ; вольно распѣвало свою, то тихую, то страшную пѣсню; безъ границъ, безъ удержу взма-

хивало пѣнистыми валами и разстилось вдаль и вширь, сверкая и нѣжась въ солнечномъ свѣтѣ, подъ яркимъ сводомъ неба, темнѣя и озаряясь вмѣстѣ съ нимъ...

Далеко, на горизонтѣ, двумя крыльями серебрился парусъ. Отсюда не было видно движенія; парусъ, казалось, стоялъ неподвижно, вися между небомъ и моремъ.

«Хотѣлось-бы мнѣ тамъ быть!.. Покачаться надъ бездной, вдали отъ земли и людей!.. Чувствовать себя на вольномъ просторѣ... Хорошо!.. А еслибъ буря?.. Чтожъ! Мнѣ кажется я не испугалась-бы и бури!.. Не всѣ-же въ бурю погибають. А какъ славно должно быть живется тому, кто выплыветъ живой и полный силъ!..»

– Коляска готова, барышня. Княжна!..

– Что?.. Да. Сейчасъ!.. Ну, ѣдемъ. ѣдемъ на синее море!..

Хорошо было и на морѣ, и на землѣ. Берега и верхній и нижній, цвѣтушей полосой протянувшійся вдоль глинистыхъ обрывовъ, тонули въ другомъ морѣ: въ морѣ пышнаго, весенняго расцвѣта, – въ бѣломъ пуху яблонь и вишенъ, въ розовой жимолости, въ сѣро– лиловыхъ и фіолетовыхъ кущахъ сирени. Свѣжій воздухъ былъ полонъ благоуханій, испареній зѣмли и моря; полонъ движенія и блеска, звуковъ и пѣсенъ. Высокія, еще нескошенныя травы, жили миллионами населявшихъ ихъ жизней; прозрачныя, не вполнѣ распустившіяся деревья и цвѣтущій кустарникъ звенѣли жужжаніемъ, щебетомъ, шелканіемъ и свистомъ.

Множество скрытыхъ въ зелени дачъ еще не было населено. Горожане ждали жары и лѣтней пыли, чтобъ переселиться изъ своихъ душныхъ квартиръ въ эти свѣжія убѣжища. Охотницамъ до уединенныхъ прогулокъ, подобныхъ предпринятой нашей молодой путешественницей, было раздолье въ этотъ прелестный весенній день.

Благодаря топографическимъ знаніямъ своей горничной, жившей когда-то со своими господами на всѣхъ трехъ Фонтанахъ, Вѣра Аркадьевна вдоволь нагулялась между зелеными холмами, подъ сѣнью цвѣтущихъ садовъ, по еле примятымъ тропинкамъ и по самому прибрежью, подъ навѣсомъ обрывистыхъ береговъ.

Она отдыхала на пескѣ, доставая зонтикомъ или кончикомъ ботинки пѣнистую грань разбивающейся волны; она перебирала разноцвѣтные камешки, отшлифованные валами, и блестящія ракушки побережья; она сняла перчатки и омочила руки въ прозрачныя воды Чернаго, только по названію, моря. Онѣ обошли всю, такъ называемую Швейцарію, – нижній берегъ между Среднимъ и Большимъ фонтами. Съ высокаго обрыва маяка любовались великолѣпнымъ видомъ моря; тамъ же пообѣдали, чѣмъ Богъ послалъ, на одной изъ лавочекъ сада, въ непроницаемой лиловой тѣни широко разросшейся сирени и, благодаря частымъ поѣздамъ, очутились снова у спуска къ морю, на Среднемъ фонтанѣ, когда солнце еще было довольно высоко.

Солнце-то было высоко, только на него напозала съ запада черная, грозная туча... А Вѣрѣ Аркадьевнѣ, между тѣмъ, еще хотѣлось здѣсь остановиться. Маша рассказывала ей о какихъ-то старикѣ и старушкѣ, жившихъ много лѣтъ здѣсь, въ пещерѣ, точь-въ-точь, какъ Пушкинскіе: «у самаго синяго моря!..» Такъ вотъ, ей очень хотѣлось посмотрѣть на нихъ и ихъ необыкновенное жилье... Маша увѣряла, что это «сейчасъ тутъ, рукой подать...» Куда ни шло!.. Вѣдь ужъ долго, можетъ быть никогда, не дожидаться такого вольнаго дня. Ужъ заодно набраться впечатлѣній... Черезъ часъ какойнибудь снова пройдетъ паровикъ и къ семи, восьми часамъ она будетъ дома.

Сказано – сдѣлано! Барышня и горничная вышли изъ вагона и направились прямо по высокому берегу, къ обрыву.

Маша шла, диктуя дорогу, увѣренно.

Она отдыхала на песокъ, доставая зонтикомъ или кончикомъ ботинки пѣнистую грань разбивающейся волны...

– Вотъ, сейчасъ дойдемъ до края, тутъ будетъ спускъ маленькій; тропочка такая пробита, промежъ камней. Вотъ сейчасъ... Здѣсь!.. Вы возьмитесь за мою руку, барышня! А то, чтобъ

съ непривычки, голова не закружилась... Ишь вѣдь, выши́на-то ка́кая, страсти!.. И костей не соберешь!

Въ самомъ дѣлѣ, выши́на была большая и какой нибудь аршинъ, не болѣе, отдѣлялъ ихъ отъ бездны и морской пучины. Подъ этимъ выступомъ берега, совсѣмъ не было нижней полосы земли: волны разбивались у его подножья.

Княжна, однако, отказалась взяться за руку Маши. Вотъ вздоръ!.. Отчего ей не пройти тамъ, гдѣ свободно и безопасно пройдетъ Маша? Гдѣ ежедневно ходятъ, за пищей и водой, дряхлые старики, которые тутъ живутъ?..

Имъ надо было спуститься немного вправо; а влѣво, на высоко́мъ выступѣ берега, сидѣлъ какой-то господинъ, къ нимъ спиною и, казалось, былъ очень занятъ, рисуя или записывая что-то въ лежавшую на колѣнахъ его книгу.

– Ишь! Виды сымае́тъ!.. фотографши́къ, должно быть, – шепнула Маша, указывая на него глазами.

– Ну какъ тебѣ не стыдно? – тихонько разсмѣявшись, замѣтила ей княжна. Развѣ ты не видала, какъ фотографіи снимаютъ?.. Онъ просто рисуетъ... Вотъ, срисовываетъ, что видитъ передъ собой.

– А!.. А я такъ полагала, что онъ срисуетъ, а послѣ того у себя и сыметъ.

– Ну, плохія были-бы такіа фотографіи! Посмотри: у этого господина и краски. Видишь, какой большой ящикъ?.. Да какъ здѣсь круто!

– Это только немножко!.. Вотъ, сейчасъ и площадка... Тамъ хорошо будетъ посидѣть, отдохнуть Море тамъ все какъ на ладони!

– Большая же у тебя ладонь, Машенька, – снова засмѣялась барышня.

Онѣ спустились по нѣсколькимъ, убитымъ въ грунтъ, ступенямъ и очутились на площадкѣ, выложенной по краю, надъ пропастью, неотесаннымъ камнемъ, въ родѣ балкончика. Направо, внутрь скалы, шло углубленіе сводомъ и въ немъ пробитыя и прилаженные прямо въ грунтъ, грубыя маленькія двери и оконце въ комнату-пещерку.

При появленіи ихъ, старушка, сидѣвшая передъ входомъ въ коморку на завалинкѣ, привстала и привѣтливо имъ поклонилась.

– Здравствуй, бабушка!.. Вотъ барышня къ тебѣ въ гости пришла, – сказала Маша.

...Влѣво, на високомъ выступѣ берега, сидѣлъ какой-то господинъ..

– Очень рада гостямъ, милости просимъ!.. Отдохнуть не угодно-ли? Я стульце вынесу.

– Благодарю васъ. Не трудитесь! – едва нашлась выговорить Вѣра.

Она была, вообще, мало знакома съ житьемъ– бытѣмъ народа. Но это полувоздушное жилище въ земляной норѣ, на высотѣ двадцати сажень, въ виду лишь неба да безбрежнаго моря ее поразило!.. Она заглянула въ пещеру за дверью. Тамъ были прилажены двѣ койки, одна пустая, другая покрытая неказистой постелью; въ одномъ углу доска для кое-какой посуды, въ другомъ – потемнѣвшая икона съ теплившейся передъ ней лампадкой. Меблировка завершалась деревяннымъ сундукомъ и крохотной желѣзной печкой. Натуральные стѣны были кое-гдѣ покрыты картинками изъ старыхъ иллюстрацій и модныхъ журналовъ. Все было чисто, даже ситцевая подушка и теплое одѣяло, сшитое изъ кусочковъ ситца, прикрывавшее сѣнникъ да старенькій полушубокъ, служившіе постелью. Въ натуральныхъ же сѣняхъ, подъ сводомъ,

стояла кадушка съ водой, таганокъ, ведро, метла, да кучка углей, прикрытая разбитымъ ящикомъ.

Старуха вынесла грубо сбитую скамейку, смахнула съ нея пыль фартукомъ и еще разъ попросила барышню присѣсть, отдохнуть.

Маша, между тѣмъ, прислонилась къ стѣнѣ и спросила:

– А что-жь это, бабушка, ты нынѣ одна?.. Гдѣ же старикъ-то твой?

– А нынѣшней зимою скончался, царство ему небесное!.. Какъ разъ это о Николинъ день прихворнулъ что-то съ вечера, а къ утру и Богу душу отдалъ.

– Ишь ты!.. И никого тутъ у васъ не было при этомъ? Одна ты?.. Никто ему помощи не далъ?

– И-и!.. Какая у насъ помощь, дѣвушка? Богъ съ тобою!.. Не пришло бы ему поры – и самъ бы еще отошелъ; а какъ часъ насталъ и послалъ Богъ по душу, – ну и скончался!.. Да тихо такъ, Господь съ нимъ! Я и не слыхала, какъ отошелъ... Уморила я съ нимъ съ вечера; вьюга была, снѣгъ. Я печку-то растопила, – спасибо, добрые люди подарили намъ осенью печечку эту самую; а то, допрежде того, таганомъ мы съ нимъ въ холода пробавлялись, никакъ не возможно было согрѣться. А тутъ, я растопила ее жарко, да такъ-то сладко уснула, что чудо! На зарѣ просыпаюсь, слышу – смиренъ старикъ. Ну, думаю, полегчало знать: уснулъ!.. А какое уснулъ? Какъ разъяснѣло, я встала, да къ нему: а онъ-то ужъ холодный!.. Насилу одѣла я его, да расправила, на койкѣ... А то и въ гробъ не уложить-бы.

– Значить, спокойно старичекъ померъ?..

Тихо?..

– Должно быть тихо... А можетъ, что и сказываль передъ смертью, да ослабъ, кричать не въ моготу было, – я и не слыхала... Тутъ, вѣдь, крикомъ кричать надо, когда море разбушуетъ. Мы съ нимъ, отъ этого реву да плеску, совсѣмъ глухіе стали. А въ ту ночь такая вьюга была. Волны да вѣтеръ шумѣли ужаси какъ. А я, на бѣду, уснула крѣпко...

«И какъ это все просто, Боже мой! – размышляла княжна, прислушиваясь къ безхитростнымъ рѣчамъ старухи. Живутъ словно птицы, всю жизнь проводятъ въ какой-то норѣ; умираютъ – беспомощно и не ропшутъ!.. Не жалуются, – такъ и быть должно... Вотъ жизнь! Вотъ люди!.. А мы-то?.. Да запри насъ на три дня въ такое подземелье, такъ мы-бы пропали!»

– Ну и какъ же ты справилась, бабушка, какъ онъ померъ?.. По снѣгу-то, по морозу, чай трудно было?

– Что-жь дѣлать?.. Сходила я къ батюшкѣ, прислалъ онъ гробъ, да двоихъ людей; сосѣди пришли тоже на помощь, къ вечеру и схоронили. А что снѣгъ, такъ мы ко всякой погодѣ привычны! Не даромъ двадцать лѣтъ прожили въ этой хаткѣ.

– Двадцать лѣтъ?! – вскричала Вѣра.

– Такъ, милая барышня. Двадцать лѣтъ съ полугодомъ ровнехонько минуло, какъ мужъ ее своими руками выдолбилъ.

– Но зачѣмъ-же?.. Неужели вы были такъ бѣдны, что не могли жить хоть въ лачужкѣ, да съ людьми?

– А на что намъ людей?.. Богъ съ ними!.. Отъ нихъ мало добра, а больше горя мы видавали. Прежде мы, какъ въ Одессу пришли, на Молдаванкѣ много времени жили, а послѣ сюда перебрались... Оно и по бѣдности нашей, и по работѣ, по мужниной, здѣсь намъ было жить сподручнѣй. Старикъ мой былъ каменоломъ промысломъ. Вотъ онъ отсюда камень вырубалъ, да свозилъ на продажу, и вырубилъ себѣ эту пещерку... Намъ тутъ хорошо жилось, пока въ силахъ онъ былъ. А вотъ, какъ оставить работу пришлось, да жить чуть что не однимъ подаянiемъ, – тутъ тяжеленько стало!.. Да и то свыклись! И свыклись, и добрые господа насъ не оставляютъ... Особенно дачники здѣшніе, дай имъ Господи здоровья!

Вѣра Аркадьевна нащупала въ карманѣ портмоне; но, съ непривычки, ей совѣстно было ни съ того, ни съ сего, вынуть и дать ей денегъ.

«Уходя положу на лавку, она и возьметъ ихъ», – рѣшила она.

Пока барышня засматривалась на море, удивительно быстро мѣнявшее цвѣта и освѣщеніе, горничная продолжала свои распросы и «бабушка» словоохотливо рассказывала ей всю однообразную свою жизнь.

Не по своей, а по господской и родительской волѣ шла она замужъ шестнадцатилѣтней дѣвкой за человѣка лѣтъ подъ сорокъ. Потомъ стерпѣлась и сжилась съ нимъ до того ладно, что какъ погорѣли они и крѣпко обѣднѣли, она своего старика не разлюбила, а пошла вслѣдъ за нимъ, на заработки. Пришли они въ Одессу; строилась она тогда, рабочіе были нужны, хорошо оплачивались, а жизнь, въ тѣ поры, очень дешевая была. Послѣ – куда! Вдесятеро все дороже стало; а что ужъ нынѣ дѣлается, – люди сказываютъ, сама она ужъ много лѣтъ въ городу не бывала, – такъ и не приведи Богъ!.. Совсѣмъ бѣдному человѣку житья нѣтъ. И воровство, говорятъ, озорничество завелось – бѣда какое!..

– Вотъ то-то же! И не страшно тебѣ здѣсь жить – то одной, бабушка?

– Ни чуточки!.. Чего же бояться? Взять у меня нечего; человѣкъ я убогій, старый; ото всѣхъ въ сторонкѣ живу: зла никто на меня не можетъ имѣть...

Кому и за что меня обижаютъ?.. Да ко мнѣ мало кто и ходъ знаетъ. Вотъ лѣтомъ еще меня частенько господа навѣщаютъ; а что зимой, – я другой разъ по мѣсяцу людей не вижу. Развѣ что рыбаковъ. Заходятъ ину пору, такъ они же меня рыбкой надѣляютъ; а то и хлѣбца, крупъ какихъ, чего попрошу, они мнѣ отъ сына, изъ городу, доставляютъ...

– А у тебя и сынъ есть? Зачѣмъ же ты съ нимъ не живешь?

– А зачѣмъ я буду у него заработки отымать? Онъ тоже, поди, не въ богатствѣ живетъ, да и свою семью имѣетъ. А мнѣ и здѣсь, благодареніе Богу, живется не по грѣхамъ... О-хо-хо!..

Она сокрушенно и продолжительно вздохнула.

Нѣту!.. Меня здѣсь никто не обидитъ и сама я къ своей хатѣ, да къ морю привыкла. Я бы, кажется, теперь не смогла бы въ домѣ, взаперти, промежду стѣнокъ жить... То ли дѣло здѣсь! Солнце раннимъ утречкомъ тебя будитъ; мѣсяцъ вотъ, всю ночь свѣтитъ, вотъ какъ теперь... Ишь, благодать какая!.. Нѣту! Здѣсь мнѣ хорошо. Здѣсь состарилась, – здѣсь и умру!

III

Вѣра Аркадьевна давно любовалась чудной картиной, на которую указывала старуха. Изъ углубленія скалы, гдѣ онѣ сидѣли, открытое море и часть небеснаго свода являлись, по истинѣ, какъ въ рамѣ картина. Черная туча, въ которую солнце только что сѣло, уже выплыла на полъ-неба, но имъ ея не было видно; однако тихое, только что сине-зеленое море, изъ- за нея уже потемнѣло. Все-же тишина была полная, когда изъ-за морской глади показался яркій краешекъ луны, огненно-красный. Востокъ вспыхнулъ, какъ въ пожарѣ, и вся водная пелена перерѣзалась багровымъ столпомъ... Но, по мѣрѣ того, какъ она всплывала, полная, кровавая и, всплывая, сама блѣднѣла, – потухало и ея зарево. Небо и вода переходили изъ багрянца въ алый цвѣтъ, потомъ въ свѣтло-оранжевый и, наконецъ, въ золотисто-туманный, изъ котораго разсыпались снопы бриллиантовыхъ искръ и лучезарнымъ путемъ разстилались до самаго берега.

Рыбачьи лодки, парусныя яхты были разбросаны по необъятной глади и, когда онѣ входили въ полосу свѣта, то такъ отчетливо на ней вырѣзались, что въ ихъ черныхъ силуэтахъ можно было сосчитать всѣ снасти.

Ничего величественнѣе и прекраснѣе этой оригинальной картины никогда не видывала и представить себѣ не могла свѣтская барышня, взрослая въ гостиныхъ, въ подстриженныхъ цвѣтникахъ и паркахъ.

Она стояла и смотрѣла, какъ очарованная! Внѣ себя отъ восхищенія, забывъ все окружающее, она уже не слышала монотоннаго голоса старухи и вопросовъ своей камеристки, какъ вдругъ ее привелъ въ себя сильный трескъ и яркій свѣтъ молніи, разорвавшій, надъ головой ея, край тучи, выползшій изъ-за горы.

Въ ту же минуту съ запада пронесся сильный порывъ вѣтра, лунное сіянье заколебалось и мириады блескоковъ заходили по зарябившемуся морю...

– Ай, батюшки! Никакъ гроза? – спохватилась Маша. И дождикъ!.. Вотъ бѣда!

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ Вѣра ясно сознала, что кругомъ нея творится, всѣ краски потухли, ясная даль подернулась подвижной завѣсой и тяжелыя капли дождя защелкали по площадкѣ, по горѣ, зачастили въ пространствѣ.

– Скорѣе, Маша! – восторгалась она. Скорѣе бѣжимъ! Слышишь?.. Вотъ, кажется, свистокъ паровоза?.. Еще успѣемъ добѣжать.

Но пока она вынимала деньги изъ портмоне, пока прощалась со старушкой, туманъ и шумъ дождя сразу усилились, и все превратили въ хаосъ...

Въ ту же минуту изъ-за поворота скалы, на ихъ узенькомъ балкончикѣ-террасѣ показался человѣкъ. Онъ согнулся въ три погибели, закрывая собой отъ потоковъ дождя какую-то ношу и только очутившись предъ входомъ въ пещеру, защищенную отъ ливня, выпрямился и весело закричалъ:

– Ну, бабуса! Вотъ я и опять къ тебѣ за спасеніемъ!.. Видно суждено мнѣ у тебя въ ненастье гостить.

Онъ вдругъ остановился, разобравъ, въ тѣни свода, постороннихъ лицъ.

Мѣста въ этихъ природныхъ сѣнцахъ подъ сводомъ было такъ мало, что обѣимъ дѣвушкамъ пришлось посторониться при его появленіи; но когда вновь пришедшій очутился подъ навѣсомъ пещеры, княжна, а за ней и Маша рѣшительно вышли изъ-подъ него, готовясь храбро идти впередъ, несмотря на потоки дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.